

Однажды Гу Цичи из любопытства измерил длину его руки линейкой. Она составляла целых двадцать два сантиметра, на один сустав больше, чем у Гу Цичи.

Поэтому Бо Юй мог полностью обхватить руку Гу Цичи в своей ладони, время от времени играя с его пальцами, растирая подушечки до розового оттенка, а затем поднимая его руку и целуя ее.

Но сейчас эти красивые руки были заняты приготовлением теста для десерта.

Белое и мягкое тесто можно было лепить в различные формы. Оно было пушистым и воздушным, и даже излишки теста вытекали из-под пальцев.

У Бо Юя была плохая привычка: он любил наклоняться и пробовать тесто на вкус, чтобы определить, насколько хорошо оно подошло и когда его можно отправлять в духовку.

Его острый нос касался теста, оставляя на нем небольшую вмятину, но как только он выпрямлялся, вмятина исчезала, и тесто снова становилось гладким.

Гу Цичи никогда не занимался готовкой. Хотя он был очень привередлив в еде, он никогда не пытался готовить сам, так как знал, что все ингредиенты будут испорчены. Поэтому он просто стоял, скрестив руки, и ждал, пока Бо Юй закончит, наслаждаясь результатом.

Ведь красавцу не нужно было прилагать усилий, всегда находились те, кто стремился услужить ему.

И это было чем-то редким и ценным.

Другие, кто хотел услужить, были незаметны, вероятно, остановленные кем-то на старте, поэтому можно было видеть только Бо Юя, известного в деловом мире, терпеливо занимающегося выпечкой, наслаждаясь моментом демонстрации своих навыков красавцу.

Сегодня Бо Юй приготовил особенный десерт — клубничные эклеры, которые Гу Цичи раньше не пробовал.

Тесто было разделено на маленькие кусочки, сформировано в эклеры и аккуратно выложено на противень.

Сегодняшний десерт был не только особенным по вкусу, но и по внешнему виду.

Бо Юй где-то раздобыл розы, их яркие лепестки были выложены на поднос в качестве украшения.

Но некоторые лепестки использовались как ингредиент, их поместили в марлю.

Ярко-красные лепестки роз были уложены в белую марлю, и под сильным давлением рук Бо Юя нежные лепестки были сжаты, оставляя следы. Затем розовый сок начал просачиваться через мелкие щели, и насыщенный аромат распространился по всему помещению.

В какой-то момент Гу Цичи увидел перед собой разросшиеся шипы, покрытые острыми колючками, на которых распускались яркие и пышные розы, полные жизни и красоты.

Розовый сок был снова введен в тесто, образуя на вершине расплывчатый, но отчетливый отпечаток розы.

Тесто для эклеров было отправлено в духовку, которая издала громкий гул. Постоянный пар создавал едва заметный белый туман внутри духовки, и под светом лампы мягкое тесто начало расширяться. Расплывчатый отпечаток розы на вершине треснул под воздействием высокой температуры, будто настоящая роза расцветала, создавая необычайную красоту.

Хотя это была просто выпечка эклеров, Гу Цичи почувствовал жар, будто сам оказался внутри огромной печи.

Воздух вокруг стал разреженным, будто кто-то забрал большую его часть из его груди. Гу Цичи почувствовал слабость в ногах, голова стала тяжелой, а глаза невольно закрывались от усталости.

Закончив с эклерами, Бо Юй вернулся к Гу Цичи.

Гу Цичи даже не помнил, как они начали целоваться, но помнил, что губы Бо Юя были слегка грубыми.

Жар разливался по его крови, сердце билось быстро и сильно, будто пыталось вырваться из груди.

Но его губы были плотно прижаты губами Бо Юя, зубы разжаты, а руки крепко схвачены, без возможности освободиться.

Лунный свет, мягкий и яркий, как поток света, проникал через окно, освещая Гу Цичи.

Его кожа была белой, как жемчуг, черты лица красивыми, как цветы.

Глаза-персики были мокрыми от слез, длинные и густые ресницы спутались, дрожа и вызывая жалость. Его зрачки были рассеянными и растерянными, а красивые глаза были полны слез. Ярко-красные губы дрожали, он широко открывал рот, пытаясь дышать, но с уголков губ стекала прозрачная и липкая жидкость.

Бо Юй невольно вспомнил строку из стихотворения, которое читал раньше:

«С древних времен не было, в мире не видели, красоты и изящества, которые невозможно описать. Когда она впервые появилась, она сияла, как восходящее солнце, освещая крышу; когда она приблизилась, она была светлой, как луна, излучающая свой свет. В мгновение ока красота расцвела: яркая, как цветы, теплая, как жемчуг. Пять цветов слились воедино, невозможно описать. При внимательном рассмотрении, она ослепляла взгляд.»

Раньше он думал, что Чуский Сян-ван был просто человеком, жаждущим красоты, который, мельком увидев богиню в своем сне, потерял большую часть своей души и с тех пор каждую ночь мечтал о ней, вызывая жалость.

Но теперь он вдруг понял его.

Бо Юй подумал, что если бы он был Чуским Сян-ваном, он бы удержал богиню рядом с собой, держал ее возле себя каждый день, наслаждаясь ею до предела.

К сожалению, он не был Чуским Сян-ваном, а Гу Цичи не был сдержанной богиней.

Сян-ван был влюблен, а богиня равнодушна, и хотя это была история, передаваемая из поколения в поколение, Бо Юй презирал ее.

Он хотел только Гу Цичи, чтобы быть с ним день за днем, год за годом, в взаимной любви.

Когда ночь стала глубокой, эклеры наконец были готовы, но Бо Юй немного пережарил их, поэтому они были слегка сморщенными, а некоторые края были повреждены.

Но это не помешало им быть вкусными.

Высокомерный Бо Юй был доволен своим великим творением. Глядя на дрожащие розовые эклеры, он щелкнул по ним пальцем, тесто было упругим и эластичным, аромат розы смешивался с запахом десерта, и оставался только последний шаг, чтобы насладиться ими.

Уже взбитые сливки были помещены в кондитерский мешок, но Бо Юй, по своей невнимательности, не мог найти насадку, поэтому просто сделал небольшой надрез на мешке и проделал отверстие в основании эклера.

Бо Юй всегда работал аккуратно. Белые сливки были введены в отверстие, заполняя эклер до краев, почти переливаясь.

Гу Цичи был немного озадачен. Он не очень любил такое количество сливок, считая их слишком сладкими.

Но Бо Юй с гордостью оценил свое творение:

— Как красиво, этот эклер, тонкая корочка, много начинки, сытный.

Гу Цичи...

Кто же ест десерт, чтобы насытиться?

Но, несмотря на недоумение, чтобы поддержать настроение Бо Юя, Гу Цичи съел довольно много.

Эклеры были размером с детский кулак, внутри были заполнены сливками, а сверху украшены большой клубникой. При первом укусе кисло-сладкий вкус клубники смешивался с нежностью сливок, а тонкий аромат розы раскрывался на вкусовых рецепторах, создавая приятный и не приторный вкус.

Гу Цичи наконец похвалил кулинарные навыки Бо Юя.

К сожалению, хотя эклеры были вкусными, их было слишком много. Аппетит у Гу Цичи был небольшим, и, съев три штуки, он почувствовал, что больше не может.

Бо Юй все еще был недоволен. Его широкая рука легла на живот Гу Цичи, и он низким голосом сказал:

— Осталось еще много, дорогой, съешь еще один.

Гу Цичи покачал головой, нахмурившись, и напомнил себе, что он актер, которому нужно поддерживать форму. Он изо всех сил сопротивлялся искушению десертом и твердо сказал:

— Бо Юй, я действительно больше не могу.

Но его тон не был убедительным, а скорее звучал неуверенно.

На самом деле, вместе с ужином Гу Цичи съел довольно много, и, заботясь о его здоровье, Бо Юй вздохнул и сдался.

Но в голове он уже планировал, когда в следующий раз сможет продемонстрировать свои кулинарные навыки.

В следующий раз он накормит Гу Цичи побольше, чтобы он поправился, и его было бы удобнее обнимать.

Думая об этом, Бо Юй прижался к его плечу и поцеловал ухо Гу Цичи.

1. Цитата из «Оды о богине» (Ло Шэнь Фу) Цао Чжи (Цао Чже), эпоха Троецарствия. Описание божественной красоты.

<http://bllate.org/book/17675/1647674>